

Виноградов, Шайжин, Ржановская, Дуров) будут представлены отдельными статьями в готовящемся в Центре русского фольклора двухтомном Биобиблиографическом словаре «Российские фольклористы».

С. М. Лойтер,

*доктор филологических наук, профессор кафедры
литературы историко-филологического факультета
КГПУ*

реальностью, он в этом смысле бесконечен. Игра же всегда подразумевает некие рамки, границы, правила, за которыми она заканчивается. Из живого мифа выйти нельзя, из игры не только можно, но и нужно. Таким образом, открытие игры в страну-мечту не только дает важный материал для изучения современного детского фольклора и психологии ребенка, но и позволяет обнаружить новые аспекты генезиса, семантики и поэтики фантастических литературных жанров.

Е. М. Неёлов,

*доктор филологических наук, профессор кафедры
русской литературы филологического факультета
ПетрГУ*

ОБ ОДНОЙ ИЗ ИДЕЙ С. М. ЛОЙТЕР: ИГРА В СТРАНУ-МЕЧТУ И ФЭНТЕЗИ

В своих относительно недавних работах Софья Михайловна открыла и исследовала «новое явление современной детской мифологии» (Лойтер С. М. Русская детская литература XX века и детский фольклор: проблемы взаимодействия: Автoref. дис. д-ра филол. наук. Петрозаводск, 2002. С. 33), которое уже получило широкую известность, – игру в страну-мечту. «Речь идет, – подчеркивает С. М. Лойтер, – об играх, основанных на деятельности воображения», «деятельности фантазии», на «мечтательном воображении» (Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология. Петрозаводск, 2001. С. 137). Бросается в глаза несомненная близость подобного рода мечтательства художественным мирам литературных фантастических жанров. Однако, сравнивая игру в страну-мечту и произведения, созданные в жанре фэнтези, мы встречаемся не просто с близостью, обусловленной наличием в сравниваемых сферах игры и фантастики, а с довольно полным совпадением многих структурообразующих аспектов данных сфер. Это – книжность, сходные принципы локализации чудесного мира, его игровая модель и т. д. Совпадают даже частности. Непременный атрибут игры в страну-мечту – создание играющими карты утопической страны, документов, описывающих ее историю, государственную систему, социальное устройство. Такого рода «документы» непременно встречаются почти во всех романах-фэнтези.

Единственный момент в концепции С. М. Лойтер, который, как нам кажется, можно оспорить, связан со стремлением исследовательницы рассматривать игру в утопическую страну как игру-миф. Правда, и тут мы вновь наблюдаем сходство и даже родство с поэтикой фэнтези, которое многие фантастоведы считают мифологической. С одной стороны, и С. М. Лойтер, и фантастоведы правы – и игра в страну, и фэнтези охотно используют древний мифологический материал, сохраняют некоторые особенности мифологического восприятия мира. С другой же – имеется фундаментальное отличие мифа от игры (любой!). Живой миф представляется человеку, живущему в этом мифе, реальностью, даже сверх-

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ПОМОРЬЯ В «СЛОВАРЕ ЖИВОГО ПОМОРСКОГО ЯЗЫКА В ЕГО БЫТОВОМ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ПРИМЕНЕНИИ» И. М. ДУРОВА

В научном архиве Карельского научного центра РАН хранится уникальная рукопись «Словаря живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении», которую ее составитель краевед из Сумского Посада И. М. Дуров передал в Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ) КарНЦ РАН (тогдашний Карельский научно-исследовательский институт) в 1934 году. В настоящее время рукопись готовится к печати. Восемь рукописных томов включают более 12 тыс. словарных статей, в которых представлена лексика, собранная автором словаря в начале XX века в селах Поморского берега Белого моря. Лексика собиралась по специальной академической программе. По характеру материала, принципам его подачи словарь Дурова входит в один ряд с широко известными «Словарем областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г. Куликовского и «Словарем областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. О. Подвысоцкого и должен был, по мысли автора, заполнить ту нишу, которая образовалась в лексикографическом описании северно-русских говоров после выхода их в свет. Словарь А. О. Подвысоцкого явно служил определенным образцом, что прослеживается в построении словарных статей, в толковании значения. Обращение к опыту Подвысоцкого понятно и логично: в словаре И. М. Дурова представлены говоры Поморского берега Белого моря, которые территориально примыкают к запада к ареалу архангельских говоров. Вместе с тем у поморского словаря свое лицо. Его автор – коренной житель Поморья, знаток говоров и культуры Поморья. Со страниц словаря предстают язык и жизнь поморов рубежа XIX – XX столетий, когда в Поморье еще сохранялись

местные говоры и традиции поморской культуры, а с другой стороны, уже просматривались черты нового социалистического быта, установившегося в 1920-е годы.

Особенность словаря – это исключительное внимание к реалиям культуры и быта Поморья, что делает его ценным этнографическим источником. Если в традиционных диалектных словарях (например, «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей») крещенская горка представлена расплывчато как ‘большое зимнее гулянье’, то у Дурова приводится замечательное детальное описание ее устройства и использования вплоть до градуса уклона, длины ската и даже стоимости билета. С такой же детальностью описаны детские игры (ст. Гусями играть), рыболовные принадлежности, особенности традиционной одежды (ст. Дельница). Приводятся сведения по народной медицине, приметы (ст. Ворон, Дождь), поверья (ст. Голик, Голова). В качестве иллюстраций использованы загадки (Долгий Макар по суметам скакал – ко-черга), пословицы и поговорки (Мало де’ло ложка, была бы воложка), идиоматические выражения (Гурья спробовать ‘ничего не выловить’, двувесельная лодка ‘льстец’). Из образцов фольклорных текстов привлекают внимание фрагменты обрядовых песен и причитаний, тексты заговоров, большое количество частушек.

Для понимания того, как складывалась историко-культурная зона Поморья, существенен анализ диалектной лексики с позиций ее истоков. Она содержит убедительные примеры новгородской традиции (грамота ‘письмо, записка’, лада ‘сердечный друг’, мытница ‘прачка’). В то же время заметный пласт материала – это слова с прибалтийско-финскими корнями, свидетельствующими не просто об активных контактах с карельским и, возможно, вепсским населением, но и об обрусении (через этап двуязычия) прибалтийско-финских наследников края. На это указывает большое количество экспрессивных глаголов (варайдать, веньгать, войдать, гомайдать, горайдать, гумайдать, гурайдать и т. д.), а также наличие языковых калек (например, обращение к детям дай носа значит ‘поздоровайся’ и восходит к карел. antoa n’okkoa, букв. ‘дать носа’, то есть потеряться кончиками носов с ребенком в знак приветствия).

Будучи изданным, словарь И. М. Дурова не просто пополнит ряд диалектных словарей, но и будет востребованным и авторитетным источником по истории и культуре Поморья.

И. И. Муллонен,

*доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
директор ИЯЛИ КарНЦ РАН*

В. П. Кузнецова,

*кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник ИЯЛИ КарНЦ РАН*

КОЛЛЕКЦИЯ РУКОПИСНЫХ КНИГ КАРЕЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Коллекция рукописных книг Карельского государственного краеведческого музея включает сегодня 65 единиц хранения (XVI–XX веков). В ее состав входят богослужебные (в том числе певческие) и литературные сборники, Зерцало духовное, Устав о христианском житии, Псалтирь простая и следованная, Требник, Триодь цветная, Златоуст годовой, Евангелие учительное, старообрядческие сочинения, синодики-помянники. Наиболее ранние рукописи: Псалтирь с восследованием в списке 1-й половины XVI века, вероятнее всего, северного происхождения, поскольку в следованную часть входят тропарь и канон Александру Свирскому, и Триодь цветная в списке 2-й половины XVI века с продажной и вкладной записями 1589 года. Литературные сборники включают жития святых, древнерусские повести, апокрифы, выписки из Пролога, патериков и разнообразный другой материал. В музее имеются списки житий Варлаама Керетского, Трифона Печенского, Петра и Февронии Муромских, Послания Василия Новгородского о рае, повестей о царе Агее, о видении Антония Галичанина, о Тимофееве Владимирском, о царице Динаре, о видении некоему мужу духовну Терентия и некоторые другие произведения древнерусской литературы. Интересна также писцовая запись 1720 года в одном из сборников, представляющая собой отрывок из былины о вражеском нашествии, типа «Илья Муромец и Калин-царь» и «Васька-пьяница и Кудреванко-царь». Ценность этого небольшого текста в том, что он является пока единственным свидетельством бытования былин на Курострове – на родине М. В. Ломоносова, когда ему было всего девять лет. Имеются в рукописном собрании музея и сочинения старообрядческих авторов: Поморские ответы, Пятая Соловецкая челобитная и другие. Сборник № 1324/3 составлен В. Д. Шапошниковым (1713–1783) – известным книжником старообрядческой Выговской поморской пустыни. Рукопись представляет собой сборник нравоучительных выписок (преимущественно из Священного Писания и Отцов Церкви), которые объединены в главы, расположенные по алфавиту. Неизвестное старообрядческое странническое сочинение входит в состав рукописного сборника середины XIX века № 25455. Оно начинается Исусовой молитвой и содержит выписки со ссылками на Евангелия и Апокалипсис с толкованиями, Апостол, Кормчую, сочинения Григория Богослова, Симеона Нового Богослова и многие другие книги. В тексте развиваются традиционные для страннической литературы темы бегства из мира, исповедания веры перед властями, принятия милостины или отказа от нее. В музее хранится также уникальная подборка заонежских синодиков-помянников XVII–